

тейших nobилей к такого рода занятиям. Штэкли пришла к заключению, что патроны и капитаны не составляли особой профессиональной или социальной группы венецианского купечества.

Вряд ли можно согласиться с мнением Штэкли, что общей тенденцией Венецианской республики на протяжении XIV–XV вв. было повышение оклада капитану галей (с. 282). Максимальный оклад (учтенный ею, в 25 лир за плавание⁹, на самом деле – 30 лир) был ниже 5 лир за месяц при обычном шестимесячном плавании в Романию. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, напротив, тенденцию к снижению окладов при сокращении числа судов в составе конвоя¹⁰.

Далеко не точно суждение автора, что в Генуе, в отличие от Венеции торговая навигация была всегда “свободной” (с. 2). И генуэзцы стремились к регламентации дальней навигации, но преимущественно другими – финансовыми и судебными – средствами, также составляя конвой судов под одним командованием, особенно в сложных условиях¹¹.

Остановимся на некоторых частных соображениях.

Д. Штэкли (с. 111) не смогла идентифицировать несколько топонимов. *Vucha Larguro* – вход в Босфор со стороны Мраморного моря и *Caput Sancti Iohanni* – мыс св. Иоанна у Каффы.

Суждение, что Трапезунд был разрушен

Тамерланом (с. 112), является ошибкой. Исследовательница считает, что замена галей на кокки в 1400–1402 гг. была связана с риском плавания в устье Дона и желанием коммуны снять с себя возможный риск (с. 112). Однако в большей мере замена была связана с резким снижением сумм инканти галей и нежеланием патронов брать их с аукциона и со сложностью патрулирования каравана галерами Гольфа в условиях войны османов с Византией.

Решение Сената в июле 1418 г. усилить конвой галей Романии из-за “*sinistro novo de facto Tane*” не комментируется автором. Между тем, это – прямое следствие известий о нападении на Тану 4 мая 1418 г. татар хана Керимберди, закончившегося гибелью консула и многих венецианцев и генуэзцев и большими разрушениями двух факторий¹².

В примеч. 18 на с. 209 дано ошибочное указание на фонд Венецианского архива *Senato, Misti*, 22, f. 45 (XXII книга этого фонда относится к 1344–1345 гг., а указанный документ февраля 1448 г. находится в фонде *Senato, Mar*, III).

Несмотря на все критические соображения, книга Штэкли – добротное синтетическое исследование. Она восполняет важную лауну в историографии и, уверен, многие годы будет с благодарностью использоваться историками Средиземноморья.

С. Карпов

Coloniser au Moyen Âge. Actes du colloque international “Coloniser au Moyen Âge”. Toulouse, 1991/ Éd. M. Balard, A. Ducellier. Paris, 1995. 400 p.

Роль колонизационных процессов в жизни средневекового общества в последние годы все чаще привлекает внимание историков. При этом объектом исследования становятся не только отдельные аспекты колонизации (главным образом правовые, как

это было в предыдущие десятилетия¹), но ставится задача изучения явления во всем его многообразии. Именно с этой целью более 10 лет тому назад была создана международная группа “*Histoire de la Colonisation au Moyen Âge*”, под эгидой которой прошли три

⁹ Оклад капитану – 30 лир grossов устанавливался в условиях военной опасности в 1431–1432 и 1442 гг. См.: *Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, LVIII*, f. 58r–60r, 116r–118r; *Senato, Mar*, I, f. 90v–92v.

¹⁰ См. подробнее: *Карпов С.П. Путями...* С. 86–87.

¹¹ См., например: *Forcheri G. Norme per la navigazione genovese sulle rotte di Levante nei secoli XIVe XV // Quaderni dell'Associazione Ligure di Archeologia e Storia Navale. Genova, 1969. N 29. P. 3–24; Idem. Navi e navigazione a Genova nel Trecento. Il 'Liber Gazarie'. Genova, 1974. Сохранились даже инструкции капитанам таких флотилий. См., например: “*Instructio Nicolai de Auria, commissario navium euntium in occidentem*”, *Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto*, 3042, *Diversorum, Filze*, 22, doc. N 58: 1457 год.*

¹² См. подробнее: *Martin M. The Venetians in the Black Sea: A general Survey // Rivista di Bizantinistica. 1993. Vol. 3. P. 238–239; Doumerc B. Les Vénities a la Tana au XVe siècle // Le Moyen Âge. 1988. T. 94, N 3–4. P. 364–365.*

¹ См., например: *Astuti G. L'organizzazione giuridica del sistema coloniale e della navigazione mercantile delle città italiane nel Medioevo // Méditerranée et Océan Indien. Travaux du 6e Colloque International d'histoire maritime. Firenze, 1970. P. 57–91; Dudan B. Il diritto coloniale veneziano e le sue basi economiche. Roma, 1933.*

коллоквиума: в 1987 г. в Реймсе², в 1991 г. в Тулузе и в 1995 г. в Конке. Материалы докладов, сделанных на втором коллоквиуме, хотя и с некоторым опозданием (спустя 4 года), были опубликованы в рецензируемом сборнике в виде статей.

Редакторы издания М. Балар и А. Дюселье, признанные авторитеты современной медиевистики, во введении отмечают необходимость определить “роль торговых, политических, религиозных мотивов, ведущих к колониальному господству”, допуская при этом, что мотивация не была везде и всегда одинакова (с. V–VI). Встающие перед исследователями вопросы о причинах, движущих силах и методах колонизации обусловили структуру сборника, первая часть которого “Колонизировать: почему?” исследует феномен “ближней колонизации” (“colonisation de proximité”, по терминологии авторов сборника); вторая “Колонизировать: кем и как?” изучает роль отдельных предпринимателей, с одной стороны, и государственных структур, с другой, в процессах колонизации, а также стратегию и средства подчинения; и наконец, третья “Символы, предлоги и реальность” обращается к религиозным и культурным аспектам явления, рассматривает образы колонизатора и колонизируемого, взаимоотношения между ними.

Исследователи выделяют три типа колонизации, известных в средние века: 1) “морские империи”, основанные Генуей, Венецией и Пизой; 2) территориальные объединения, явившиеся результатом крестовых походов; 3) “колонии” континентальных государств: Арагона, Кастилии, Неаполя и прежде всего Османской империи (позднее средневековье).

Географический охват сборника чрезвычайно широк: от Северной Европы до Сибири. Далее мы более подробно остановимся на материалах, относящихся непосредственно к истории Византии, Восточного Средиземноморья и Причерноморья.

Латинская и османская колонизация греческих земель исследуется широко и всесторонне.

“Византия меж двух огней” так, пожалуй, можно определить основное содержание доклада Т. Ганшу “Вокруг Иоанна VII: династическая борьба, иностранное вмешатель-

ство и православное сопротивление в Византии (1373–1409)” (с. 367–381)³. В обстановке социальной и политической нестабильности, усугублявшейся неблагоприятной внешнеполитической ситуацией, Андроник IV, Иоанн VII и Мануил II стояли перед проблемой нелегкого выбора: передать власть в руки латинян или же сохранить трон благодаря туркам. Перипетии этой борьбы, когда строгая верность традициям православия могла толкать ортодоксальную партию на альянс с неверными, а союз с Римом воспринимался порой как утверждение политической и экономической зависимости Византии от Запада, исследуются автором на основе греческих, латинских, славянских источников.

Доклад П. Шрайнера имел своей целью привлечь внимание медиевистов к малоизученной и чрезвычайно интересной теме: роли колоний латинян на территории Византии как посредников в культурном обмене между Западом и Востоком (с. 288–293). Не претендуя на исчерпывающее исследование, автор приводит лишь несколько примеров, относящихся главным образом к Пере. Справедливо отмечая, что как переводы литературных произведений, так и вывоз произведений искусства являлись прерогативой лишь узкого круга элиты латинян, П. Шрайнер задает вопросы: «В какой мере свет византийской столицы, то, что называют “культурой императорского двора”, влиял на колонии?» Жили ли латиняне преимущественно “по-генуэзски”, “по-венециански” или “повизантийски” (с. 293). Не уверена в правоте такой постановки вопроса, хотя бы потому, что далеко не все собственно византийцы жили “повизантийски”, если понимать под последним “культуру императорского двора”⁴. Если же говорить о специфике повседневной жизни факторий, то ее структурообразующим элементом являлось право, то, что в свое время метко было определено замечательным русским ученым М.М. Ковалевским “как юридический быт колоний”⁵. С другой стороны, правовая традиция, безусловно, является частью культурного достояния народа. Таким образом, ответ на вопрос П. Шрайнера: “Жили ли генуэзцы колоний по-генуэзски?” – в некоторой мере может содер-

³ Теперь об этом см. кн.: Мешановић С. Јован VII Палеолог. Београд, 1996. Работа Т. Ганшу осталась неизвестной С. Мешановичу.

⁴ О том, как жили византийцы, см., например: Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1997.

⁵ Ковалевский М.М. Юридический быт генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в. // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 195–228.

жаться в последней работе О.Н. Барабанова⁶, пришедшего к выводу, что судопроизводство в генуэзских факториях вершилось главным образом по образцу метрополии и местная специфика была минимальной. По нашему мнению, ценность доклада немецкого ученого определяется прежде всего тем, что он, как никакой другой из авторов сборника, нацелен на продолжение исследований.

Генуэзская тема успешно исследуется Дж. Пистарино и его школой (в сборнике она представлена работами Л. Баллетто и Э. Бассо).

Доклад Л. Баллетто “Судебная администрация в генуэзских заморских поселениях” показывает гибкость колониальной политики Лигурийской Республики на примере системы вершения правосудия (с. 258–268). Невозможность простого перенесения в чистом виде правовых норм и структур, действовавших в Лигурии, вынуждала Геную разрабатывать новые варианты этой системы применительно к конкретным условиям каждого поселения. При этом необходимо было принимать в расчет статус территории, характер взаимоотношений с местными властями (будь то государи Кастилии, Арагона или Португалии, исламские правители Балеарских островов и Северной Африки, короли Кипра, татарские ханы либо даже сама генуэзская администрация Хиоса, Перы, Каффы), наконец, этнический состав местного населения и процентная доля генуэзцев от общего числа жителей (с. 258). Именно все это многообразие факторов обусловило поливариантность систем управления генуэзскими заморскими владениями вообще и в сфере права в частности. Исследование построено на основе значительного комплекса архивных материалов, относящихся к XII–XV вв.

Если доклад Л. Баллетто отражает сознательные процессы и показывает, как постепенно, шаг за шагом выстраивалась сложная система взаимоотношений метрополии и колоний, то в докладе Э. Бассо “Филиппо Мариа Висконти перед лицом колониальной проблемы: политика и администрация на генуэзском Леванте (1421–1435)” (с. 199–205) речь идет о прямо противоположном. Сконцентрированность на итальянской политике, отсутствие опыта админист-

рирования в колониях, непонимание огромной роли, которую играли левантийские владения в глазах генуэзской знати, веками боровшейся за доминирование в Восточном Средиземноморье и пролившей ради этого немало крови, – все это поставило герцога Миланского в чрезвычайно сложное положение и привело к разрыву с местной элитой, а в конечном счете во многом способствовало краху господства Висконти в Лигурии. Таким образом, доклад Э. Бассо еще раз показал важность умелой, сбалансированной колониальной политики для поддержания стабильности как в заморских владениях, так и в самой метрополии.

Очевидна гораздо большая роль символов в средневековой, чем в современной жизни. С помощью символов выражалось тогда не только понятие государства, но также идея, которая воодушевляла институты, группы, классы, отдельных людей (с. 299). О генуэзской символике в колониях идет речь в докладах Дж. Пистарино (с. 299–309) и Э. Дюль (с. 310–316). Последний снабжен фотографиями надгробных и геральдических плит, хранящихся в Археологическом музее Стамбула.

Не обделен вниманием и Кипр, главным образом в эпоху Лузиньянов. “Сладкой жизни” на острове, по меткому выражению С.В. Близнюк⁷, посвящены два доклада на “технологические темы”. Хочется особо отметить работу М.-Л. фон Вартбург, основанную на данных археологических раскопок, проводимых Цюрихским университетом и Немецким археологическим институтом в Пале-Пафосе (совр. Куклие) (с. 126–131). В результате раскопок удалось реконструировать мастерскую по производству сахара, принадлежавшую Лузиньянам. Сопоставляя данные археологии с изобразительными источниками, автор доказывает, что целый ряд технологических нововведений уже в XV–XVI вв. был реализован в кипрских сахарных мастерских (с. 128). Особую убедительность аргументации автора придают планы раскопок, реконструкции, фотографии. М.-Л. фон Вартбург считает, что технология рафинирования, используемая в мастерских королевской семьи, могла служить моделью для сахарной индустрии Нового Света (с. 126). По ее наблюдению, апогей венецианской системы галей “линии” на ки-

⁶ Барабанов О.Н. Суд и право в генуэзских факториях Причерноморья (XIII–XVI вв.): гражданский судебный процесс: Авторефер. дис. ... к.и.н. М., 1996.

⁷ Близнюк С.В. “Сладкая жизнь” генуэзцев на Кипре в XV в. // Причерноморье в средние века М., 1995. Вып. 2. С. 37–57.

про-бейрутском направлении совпадает с периодом наивысшего расцвета производства сахара на Кипре (там же).

Вопросы перевозок этого важнейшего для средиземноморской торговли товара – в центре доклада Д. Штэкли “Государственный морской транспорт на Кипре. Дополнение к венецианской колониальной технике (XIII–XV вв.): пример сахара” (с. 131–142). Со свойственными автору вниманием к архивным источникам и наглядностью в представлении материала⁸ (в данном случае это таблицы) швейцарская ученой подробно анализирует основные аспекты организации навигации галей “линии” Кипра и Бейрута.

“Государственный флот как средство колониального господства Венеции в XV в.” рассматривается в докладе Б. Думера (с. 115–126). Роль портов Восточного Средиземноморья как центров международной торговли определила особый “торговый” характер колонизации региона. Основной фигурой, задействованной в этом процессе, был купец, а одним из орудий колонизации, следовательно, флот. По мнению Б. Думера, «вплоть до настоящего момента историки помещали венецианскую систему навигации “галей линии” сугубо в экономический контекст, т.е. в контекст международного транспорта и обмена» (с. 115)⁹. Автор предлагает по-новому взглянуть на венецианскую “муду” как на инструмент выполнения задач общей политики, нацеленной на расширение и поддержание колониальной экспансии в Средиземноморье. Здесь по сути дела развивается идея, уже высказанная им ранее в статье «Двойственная роль венецианской “муды”: торговый конвой или боевая единица?»¹⁰. Многочисленные примеры использования торгового флота для перевозки королевских особ, дипломатических лиц, войск и вооружения, а также непосредственного участия галей в боевых действиях вполне убеждают в справедливости мнения автора. Интересен взгляд на галеи “линии” как на средство экономического давления на нежелательных партнеров. Немалым достоинством работы Б. Думера является представле-

ние динамики развития некоммерческой роли торгового флота на протяжении всего XV в. Автор убедительно показывает, как постепенно приходят в несоответствие силы флота и политические и торговые амбиции Республики св. Марка. Когда само существование венецианской колониальной империи оказывается под угрозой как в заморских владениях, так и на Апеннингах, торговый флот не может больше использоваться в военных целях.

Политико-финансовые взаимоотношения извечного соперника Венеции Генуи с королевством Лузиньянов на протяжении почти целого столетия (1374–1460) исследуются в докладе К. Оттен-Фру на основе текстов соглашений между Генуей и королями Кипра, а также документов из регистров *Maona Vetus* Генуэзского государственного архива (с. 61–72). Динамика финансовых отношений отражена в двух графиках: “Долги королей Кипра перед Генуей” и “Выплаты, осуществленные королями Кипра”. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет анализ такой внегосударственной формы управления территориями как “маона”.

Собственно колонизации французской династией Лузиньянов Кипра посвящен доклад П. Эдбэри “Правление Лузиньянов на Кипре и местное население” (с. 354–358). Внимание автора привлечен кипрский феномен мирного сосуществования латинян и греков, колонизаторов и колонизируемых, столь разительно отличающийся от ситуации на соседнем Крите. Почти полное отсутствие местной аристократической элиты, а также опыт управления, полученный Лузиньянами в Сирии и в Святой Земле, помогли им, по мнению П. Эдбэри, избежать конфликтов с греками-киприотами в первое время после приобретения острова у Ричарда Львиное Сердце (1192) и поддерживать относительную стабильность в королевстве в последующие три столетия. Автор далек от мысли, что “Лузиньяны были просвещенными правителями, задавшимися целью улучшения условий жизни своих подданных”, но они сумели найти “подлинное рав-

⁸ Эти достоинства в полной мере проявились в монографическом исследовании Д. Штэкли: *Stäckly D. Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe–milieu XVe siècles)*. Leiden; New York; Köln, 1995. Нашу рецензию на эту книгу см.: Причерноморье в средние века. М., 1998. Вып. 3.

⁹ За годы, прошедшие между выступлением Б. Думера и его публикацией, это заявление ученого, к счастью, во многом утратило свою силу после выхода монографий С.П. Карпова “Путиями средневековых мореходов” (М., 1994) и Д. Штэкли “*Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe – milieu XVe siècles)*”.

¹⁰ *Doumerc B. Le rôle ambigu de la muda vénitienne: convoi marchand ou unité de combat? // 115e Congrès national des Sociétés savantes*. Avignon, 1990. Histoire maritime. P. 139–154.

новесие между принудительным правлением и восприимчивостью к устремлениям подданных” (с. 358).

Гораздо менее напоминала идиллию обстановку на соседнем Крите, красноречиво охарактеризованная Ж. Бат уже в названии доклада “Венеция и Крит: восстания и подчинение” (с. 359–364). Пытаясь понять причины по преимуществу принудительного характера венецианской колонизации, автор обращается к хронике Антонио Калерги, жителя Крита, грека по происхождению, венецианского нобилия, создавшего свой труд в последние десятилетия XVI в. Ж. Бат не стремится к объективному исследованию истории взаимоотношений греков и латинян на Крите; ее, скорее, занимают ментальные проблемы, а именно: как отражена эта история в труде грека (пусть даже культурно и социально ассимилированного), причудливо сочетающего в своей авторской манере “национальную критскую гордость и венецианский волюнтаризм” (с. 359). О задачах ученой говорит подзаголовок “Венецианская колонизация на Крите: версия Антонио Калерги”.

Другой пример колониальной политики Республики св. Марка приводится в докладе А. Майора “Венецианская администрация на Нигропонте (конец XIV–XV в.)” (с. 246–258). Стремление Венеции поставить колонию на службу метрополии на этот раз было обусловлено османской угрозой, перед лицом которой именно Нигропонт был призван стать “последним бастионом”. Автор показывает глубокие изменения, происшедшие в системе колониальной администрации острова в этот период.

О сложности пути, пройденного Родосом на протяжении полутора веков, говорится в докладе Э. Латтрелла “Родос: военная база, колония, метрополия с 1306 по 1440 г.” (с. 235–240).

Целый блок исследований посвящен Сирии и Египту. Еще Г. Астути отмечал специфику функционирования христианских факторий в мусульманских землях Сирии и Северной Африки по сравнению с подобного рода образованиями, скажем, в Константинополе, на Балканах, в Эгеиде и даже в Причерноморье¹¹. Договоры, заключаемые между христианами и мусульманами, носили “скорее характер перемирия, нежели торгового соглашения”¹², что обуславливало их нестабильность, значительно меньшую ор-

ганизационную автономию (неизменным атрибутом которой должны были являться определенные территориальные и персональные привилегии) и, как следствие, рост зависимости от местных султанов. Все эти проблемы поднимаются Д. Якоби и М.Т. Мансури. В своем докладе “Итальянцы в Египте в XII–XIII вв.: от фондако к колонии?” (с. 76–89) Д. Якоби задается вполне обоснованным вопросом: “Можно ли говорить о постоянной колонизации, в то время как в Египте итальянские предприниматели находились под непосредственным наблюдением властей, которые им предоставляли фондако, гораздо более близкое к торговой фактории (*comptoir commercial*), чем к колонии в полном смысле этого термина?” (с. 76). Проанализировав главным образом юридический статус итальянских поселений, автор проводит интересные параллели между *dar manak* конца X в. в Каире, фондако XII в., представляющими первый и второй этап латинского присутствия в Египте, и византийским *mitaton* конца XI в. в Константинополе. Несмотря на некоторое сходство Д. Якоби склонен подчеркивать преобладание различий между восточносредиземноморским (в целом) и египетским вариантами, особенно усилившееся в XIII в. Ограниченная автономия внутри привилегированных фондако, предоставленная султанами в течение XIII в., не стала началом новой эры в истории взаимоотношений итальянских предпринимателей с египетскими властями. “Присутствие и внедрение... итальянцев в Египте не приведет к учреждению постоянных колоний, подобных тем, которые были в Византии и на Латинском Востоке со второй половины XII в.” (с. 89).

Следующий этап итальянского (и не только) присутствия в Египте, связанный с приходом к власти мамлюкских султанов, исследует в своем докладе “Западные торговые сообщества (*communautés*) в мамлюкском мире (XIII–XV вв.)” М.Т. Мансури (с. 89–102). Автор анализирует налоговую политику султаната по отношению к западным купцам; особый интерес представляет, на наш взгляд, раздел о взаимоотношениях между самими европейцами в Египте, характеризующихся двумя параметрами: конкуренция и мирное сосуществование.

Методы османской колонизации исследуются в докладе И. Бельдичеану–Стейнхерр и Н. Бельдичеану “Колонизация и депорта-

¹¹ *Astuti G. L'organizzazione...* P. 59.

¹² *Ibid.* P. 66.

ция в Османском государстве (XIV – начала XVI в.)” (с. 172–179). Перемещения населения в Османской империи были частыми с самого начала существования государства. Авторы отмечают, что турки прибегали к двум видам колонизации: 1) ненасильственная; 2) принудительная (депортация населения).

Признавая безусловное преобладание второго варианта, ученые подчеркивают, что “этнические и религиозные соображения никогда не играли роли в выборе депортируемых” (с. 179). Способные колонизаторы, успешно отладившие механизмы освоения опустошенных войной территорий, нейтрализации недовольных элементов, умевшие из всего извлекать выгоду, – такими предстают правители Османской империи в докладе И. Бельдичеану–Стейнхерр и Н. Бельдичеану. Это подтверждает исследование Э.А. Захариаду “Турецкая доля в доходах латинских колоний в Романии” (с. 348–350). Как известно, еще с 30-х годов XIV в. Византия и государства Латинской Романии выплачивали туркам ежегодную дань. После битвы при Марице (1371) Византия официально становится данником осман. Но в статье речь идет не об этих фиксированных суммах, а об участии в доходах, получаемых с конкретных территорий. Удачно выбрана автором методика исследования. Совершенно справедливо отмечая сложность определения реальных цифр поступлений от экономической эксплуатации венецианских и генуэзских колоний, Э.А. Захариаду на основе конкретных примеров Эноса, Фокеи и Фессалоники показывает, каким образом в рамках “устройства феодального типа” османский султан играл роль созеренца, чем фактически и обосновывалось его право на часть доходов. Специальный чиновник направлялся султаном на место для контроля за ведением дел. Таким образом осуществлялось экономическое и административное проникновение турок на латинские территории, подготовившее их полное включение в состав Османской империи.

Насколько искренни были духовные устремления колонизаторов эпохи крестовых походов, не являлись ли они зачастую лишь маской для осуществления политической власти? На этот, безусловно, непростой вопрос пытается ответить в своем докладе М. Амуру, анализируя роль религиозных орденов в освоении Сирии крестоносцами в XII–XIII вв. (с. 281–288). Монашество привлекло внимание исследователя прежде все-

го в связи с двойственным положением, в котором находилась эта часть “колонизаторов”: с одной стороны, они могли искренне верить в свою роль посредников между иностранными властями и местным населением, а с другой, нередко сами оказывались в зависимости от этих властей, зачастую используя ими как удобный политический инструмент. Сопоставляя данные археологических раскопок в Палестине с картами и письменными источниками, автор приходит к выводу, что в конечном итоге церковь, как и светские власти, стремилась к колонизации завоеванных территорий.

Тема венецианско-генуэзского противостояния развивается в докладе Ш. Папакоста “От войны за Босфор к войне за Тенедос: торговое соперничество и направления политики на юго-востоке Европы во второй половине XIV в.” (с. 341–347). По мнению автора, именно это противостояние, вылившееся в рассматриваемый период в открытые вооруженные конфликты, заложило предпосылки массового перемещения международных торговых путей в регионе.

В отличие от роли Генуи и Венеции в колониальной экспансии в Восточном Средиземноморье участие в этом процессе предпринимателей и ремесленников из городов внутренней Италии изучено гораздо слабее. Это обстоятельство побудило П. Расина обратиться в своем докладе к деятельности крупных коммерческих и банковских компаний Пьяченцы и Флоренции, а также выходцев из Сьенны, Асти, Милана. Именно они усиливали миграционное движение, идущее из Генуи в Восточное Средиземноморье. Нимфейский договор сделал Геную по сути хозяйкой в Черном море, а относительная стабильность “монгольского мира” открыла для итальянских коммерсантов азиатские рынки. Именно эти два обстоятельства, по мнению П. Расина, обеспечили процветание Перы, Каффы, Таны, Фамагусты, Аяса и приток туда ремесленников и купцов из городов внутренней Италии в 1250–1350-е годы. В этот период они составляли необходимую часть инфраструктуры генуэзских факторий. Лишь в одном мы, пожалуй, склонны не согласиться с П. Расином – в излишней драматизации ситуации после 1350 г.: “Середина XIV в. обозначает конец в Азии крупной европейской торговли, которая обеспечивала благосостояние колоний Перы, Каффы, Аяса и Фамагусты. Генуэзцы обращают

тогда свои взгляды на Запад... Предприниматели из Пьяченцы и Флоренции исчезают из Восточного Средиземноморья” (с. 149). Все-таки впереди были и вспышки генуэзско-венецианской конфронтации в регионе, прекрасно показанная в докладе Ш. Папакостя, и почти век просуществовавшая Маона генуэзцев в Фамагусте, и расцвет венецианской системы галей “линии”, не говоря уже о попытке Флоренции (пусть не столь успешной как в Республике св. Марка) организовать регулярную навигацию государственных торговых судов на Левант по венецианскому образцу (20–60-е годы XV в.)¹³. Так что “реквием” по восточносредиземноморской торговле в середине XIV в. кажется нам несколько преждевременным.

Исследованиям по истории Причерноморья посвящены два доклада. Доклад С.П. Карпова о пиратских действиях бургундской “крестоносной” эскадры Валера на де Ваврина в Черном море в 1445 г. (с. 186–189) расширяет наши представления о “заморской” экспансии европейских государств, активное участие в которой, как показывает автор, принимали не только итальянские морские республики или каталонцы. Основанная на неопубликованных документах Генуэзского государственного архива (главным образом фонда *Diversorum*, *Filze* Секретного архива, являющегося в последние годы предметом специального интереса С.П. Карпова¹⁴), работа проливает свет на ранее неизвестные детали экспедиции камергера герцога Бургундского Филиппа Доброго, а также представляет картину “общей политической и экономической ситуации в Черном море, где опыт итальянской колонизации породил тесное сотрудничество, но также и антагонизмы между различными группами,

вовлеченными в понтийскую торговлю” (с. 186).

Ш. Андриеску в своем докладе обратился к феномену, названному им по аналогии со знаменитым “*Byzance après Byzance*” Н. Йорги “*Gènes après Gènes*” (с. 386–392). Речь идет о генуэзских “следах”, “пережитках” (*survivances*) в Крыму в XVI в. Исследуя биографию Джованни Антонио Спинолы (или Джан Тимир аги), действовавшего при дворе крымских ханов на протяжении более чем двух десятилетий, Ш. Андриеску приходит к выводу, что представители генуэзских фамилий, в предыдущие столетия принимавших действенное участие в освоении Северного Причерноморья, вплоть до начала XVII в. зачастую проживали на старом месте, играя значительную роль в окружении правителей ханства и даже инспирируя политику сближения с некоторыми западными государствами.

Рецензируемый сборник успешно решает поставленные во введении задачи. Авторы не углубляются в отвлеченные терминологические споры о приемлемости употребления самого слова “колонизация” применительно к средним векам, а на конкретном материале показывают колонизацию во всем многообразии. Сборник опровергает, на наш взгляд, утвердившееся в последние годы в кругах отечественных историков мнение о снижении интереса к социально-экономической проблематике в зарубежной средневековедении. Работы ученых из более чем десяти стран дают полную картину основных направлений исследований и представляют несколько сложившихся исторических школ. Таким образом, сборник вполне может служить делу координации исследований в мировой средневековедении.

А.А. Талызина

¹³ Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов... С. 153–155.

¹⁴ См.: Карпов С.П. Причерноморье в XV веке по материалам собрания *Diversorum*, *Filze* Секретного архива Генуи // Причерноморье в средние века. Вып. 2. С. 9–19. Регестры материалов данного фонда, относящихся к Причерноморью, опубликованы: Карпов С.П. Регесты документов фонда *Diversorum* *Filze* Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. М.; СПб., 1998. Вып. 3. С. 9–81.